

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 070.431.2 + 070.422.1: 929

doi: 10.17223/26188422/15/6

Эволюция образа СССР в работах американского журналиста Юджина Лайонса

Екатерина Сергеевна Кадар¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
ekaterina.kadar@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности работы американских журналистов и корреспондентов на территории Советского Союза в двадцатых годах прошлого века. Особое внимание уделено деятельности журналиста Юджина Лайонса. Материалы, написанные Лайонсом в Москве во время работы корреспондентом информационного агентства UPI и прежде всего посвященные спасению экспедиции Нobile и Шахтинскому процессу, отражают образ СССР, созданный в американской прессе конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Ключевые слова: американская журналистика, советская журналистика, Юджин Лайонс, СССР, Америка, United Press, пресса, история журналистики

Для цитирования: Кадар Е. С. Эволюция образа СССР в работах американского журналиста Юджина Лайонса // Вопросы журналистики. 2024. № 15. С. 90–102. doi: 10.17223/26188422/15/6

Original article

doi: 10.17223/26188422/15/6

The evolution of the image of the USSR in the works of American journalist Eugene Lyons

Ekaterina S. Kadar¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
ekaterina.kadar@gmail.com*

Abstract. The 1920s marked the collapse of empires and the birth of new states. It was a challenging time for the Soviet Union: a recently established state that had

not yet firmly established connections with the outside world. Therefore, it was crucial to gain recognition abroad, and journalism could play a pivotal role in achieving this goal. During this turbulent time, the Soviet Union, as a young state with a new ideology, came under the close scrutiny of foreign journalists. Its image in the eyes of the foreign public was largely shaped by the activities of the press. It is particularly interesting to trace the formation of this image based on materials from overseas print media. This article examines the peculiarities of the work of American journalists and correspondents who worked in the territory of the Soviet Union in the 1920s. In particular, special attention is paid to the work of Eugene Lyons, a well-known author of that time, who came from an immigrant family. He is especially noteworthy because, being the first foreign journalist to interview Joseph Stalin, a committed socialist and someone who shared the ideology of the Soviet Union and openly sympathized with its policies, Lyons later underwent a radical change in his views, which is reflected in his memoirs, such as *Assignment in Utopia*. The reevaluation of his views is vividly depicted in the book *Stalin, Czar of All the Russians*. The journalistic materials written by Lyons in Moscow while working as a correspondent for the United Press International reflect the image of the USSR created in the American press of the late 1920s and early 1930s and represent a special area of scholarly interest. In this article, an attempt was made to analyze the overall direction of Eugene Lyons' articles during his time in the Soviet Union, as well as to describe his career path. The focus of this material was placed on analyzing the journalist's articles dedicated to two significant events of the late 1920s: the rescue of the Nobile Expedition and the Shakhty Trial.

Keywords: American journalism, Soviet journalism, Eugene Lyons, USSR, America, United Press, press, history of journalism

For citation: Kadar, E. S. (2024) The evolution of the image of the USSR in the works of American journalist Eugene Lyons. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 15. pp. 90–102. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/15/6

Введение

Двадцатый век ознаменовал собой крах империй и рождение новых государств. Это было непростое время для Страны Советов: недавно созданное государство еще не прочно установило связи с внешним миром, поэтому было важно добиться признания за рубежом, и помочь в этом могла журналистика. В это беспокойное время Советский Союз как молодое государство с новой идеологией оказался под пристальным вниманием зарубежных журналистов. Его образ в глазах иностранной публики во многом сформировался именно благодаря деятельности прессы. Особенно интересно проследить становление этого образа на материалах заокеанских печатных СМИ.

Отношения США и СССР имеют долгую историю и берут начало задолго до существования СССР как государства. Вследствие революции 1917 г. дипломатические отношения, установленные еще Александром I и Томасом Джефферсоном [1], были разорваны. Соединенные Штаты не были уверены, что советское правительство сумеет удержать свои позиции, и Гражданская война, бушевавшая в стране, только укрепляла мнение американских политиков. Кроме того, в 1918 г. советское правительство подписало декрет об аннулировании всего внутреннего и внешнего государственного долга [2. Т. 1. С. 386–387]. Это решение не было воспринято благосклонно: до 1922 г. СССР не мог установить никаких экономических связей со странами Запада, что, в свою очередь, негативно сказалось на финансовом состоянии государства. Даже Генуэзская конференция, которую часто называют переломной, ведь ее следствием стал Рапальский договор [3], не приблизила СССР к заключению дипломатических отношений с США: американская сторона была всего лишь наблюдателем, а не участником конференции.

Однако шли годы, Советский Союз начали признавать европейские державы, к 1928 г. стала приносить плоды и новая экономическая политика, провозглашенная за семь лет до того. У нэпа были, безусловно, и существенные минусы, но можно отметить, что к этому времени СССР стоял на ногах куда более устойчиво, чем раньше. Это была уже не та страна, которая выпрашивала собственное признание.

Еще до 1933 г., когда при президенте Франклине Рузвельте были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и США [4], интерес американцев к СССР был велик [5]. Американцев особо интересовали проводимые советским правительством экономические реформы, открывавшие возможность взаимовыгодной торговли. Кроме того, идеи построения нового, социалистического общества имели много сторонников во всем мире, в том числе и в США.

Иностранцы, среди которых были известнейшие деятели своего времени, охотно ехали в Советский Союз для того, чтобы воочию увидеть процесс построения нового общества. Для многих СССР и его создание было интересным экспериментом, например, известный британец, философ и теоретик Бертран Рассел, встреченный в Советском Союзе с почестями [6], писал о цели своего визита так: «До приезда в Россию я воображал, что мне предстоит увидеть интересный эксперимент

в области создания новой формы представительного правления. Я действительно увидел новый эксперимент, но не в представительном правлении» [7. С. 4]. В прессе не было и единого мнения о большевиках и их принципах построения нового государства. Кто-то видел в новом правительстве группу неумелых управленцев, кто-то – спасителей народа. Британский писатель-фантаст Герберт Уэллс, побывавший в Советской России, писал о большевиках так: «Кто же все-таки эти большевики, так прочно утвердившиеся в России? По версии наиболее безумной части английской прессы, это участники некоего загадочного расистского заговора; агенты тайного общества, в котором перемешались самым диким образом евреи, иезуиты, франкмасоны и немцы. На самом же деле нет ничего менее загадочного, чем идеи, методы и цели большевиков, и их организация меньше всего походит на тайное общество» [8]. Словом, пока иностранная общественность пыталась разобраться в феномене построения нового советского государства, властям СССР нужно было налаживать отношения со странами западного мира. Немаловажную роль для решения этой задачи играли иностранные СМИ, и работа с ними была одним из внешнеполитических приоритетов СССР. Корреспонденты же, ведомые во многом собственным интересом, охотно приезжали в Страну Советов.

Одним из таких корреспондентов был американец Юджин Лайонс. Лайонс был выходцем из Белоруссии [9. С. 239], родился в Минске, придерживался коммунистических взглядов и во многом именно поэтому на события, происходившие в СССР, смотрел не как сторонний безразличный наблюдатель. Цель данной статьи – проанализировать, какие изменения претерпевал образ Советского Союза в текстах американского корреспондента Юджина Лайонса. Фигура этого журналиста была выбрана не случайно: с одной стороны, Лайонс выделяется из плеяды других американских корреспондентов неповторимым стилем, с другой стороны, эволюция его взглядов в чем-то типична для многих заокеанских журналистов, работавших на территории СССР. Таким образом, научная проблема звучит так: как просоветская позиция Ю. Лайонса изменилась на антисоветскую?

Для ответа на поставленный в исследовании вопрос был подобран материал анализа. Центральное место занимают статьи корреспондента, посвященные ярчайшим историческим событиям – спасению экспедиции Нобиле и Шахтинскому процессу. Также уделяется внимание переосмыслению отношения корреспондента к вышеупомянутым

событиям в позднее опубликованных мемуарах. Новизна исследования заключается в том, что фигура Юджина Лайонса широко известна за рубежом, однако в российской науке освещена эпизодически.

Результаты и дискуссия

Важно проанализировать становление Лайонса как журналиста с просоветскими взглядами. Перед тем, как отправиться в Советский Союз, на заре своей карьеры, он работал в Америке в журнале *Soviet Russia Pictorial* («Советская Россия в картинках») в качестве редактора. Издание было в значительной степени просоветским, коммунистическим, позиционировавшим себя как “a graphic monthly review of Russian affairs” («наглядный ежемесячный обзор российских событий»). Контент издания был под стать его обложкам: там печатались фотографии советских вождей, иллюстрации были посвящены индустриализации, улучшениям в советском быту и т.д. Однако Лайонс работал в журнале недолго: всего несколько месяцев 1923 г.

Работал он и в отделении ТАСС в Америке. Об этом периоде он говорил так: «...С профессиональной и эмоциональной точки зрения... я живу близко к новой России» [10. Р. 203]. Вскоре ему представился шанс пожить непосредственно на территории СССР: его наняло информационное агентство *United Press* (UP).

United Press было успешным информационным агентством, крупной информационной компанией, имевшей возможность содержать внештатных корреспондентов во многих странах Европы. Кроме того, агентство постоянно стремилось расширяться и популяризировать свою деятельность, и «это можно было сравнить с крестовым походом, целью которого было добывать все больше и больше информации для все большего количества читателей в очень короткий период времени» [11. Р. 192]. Агентство плотно сотрудничало более чем с 200 газетами, а позже и радиостанциями.

Главным конкурентом UP оставалось другое информационное агентство – *Associated Press*. У обоих агентств были контакты непосредственно с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД). В научной литературе отмечается, что Советы лоббировали не только определенный угол подачи информации, но и кандидатуры работавших в СССР репортеров [10. Р. 196]. В 1923 г. UP заключило соглаше-

ние с РОСТА, Российским телеграфным агентством, преемником которого позже станет ТАСС, о взаимобмене новостями. Деятельность УР в СССР не всегда проходила гладко. В 1924 г. Карл Биккл, руководитель УР, утверждал: в Москве бытует мнение, что его агентство продано оппозиции или другим реакционерам» [11. Р. 176]. Как бы там ни было, спустя четыре года журналиста Юджина Лайонса, чья кандидатура была одобрена НКВД, отправили в Москву.

Впоследствии, уже выехав из СССР, Лайонс написал несколько больших мемуарных текстов – «Московская карусель» (1935), «Командировка в утопию» (1937), «Сталин. Царь вся Руси» (1940) и др., в которых взгляд на происходившие в СССР события был уже не столь идеалистичным. Работы эти представляют большой научный интерес, являются прекрасным источником для изучения жизни советских людей 1920-х – начала 1930-х гг.

Лайонс, несмотря на относительно молодой возраст (30 лет), уже имел свой неповторимый журналистский стиль, специализировался на коротких информационных материалах. Этим он отличался от большинства других американских журналистов, работавших в СССР и писавших аналитические статьи, путешествуя по Советскому Союзу. Статьи эти отличались развернутостью и, как правило, отражали не сиюминутные факты, а были посвящены каким-то конкретным темам, которые описывались всеобъемлюще. Лайонс же, напротив, не выезжал из Москвы, телеграфируя короткие, четкие материалы напрямую из эпицентра политических событий.

Шесть лет Лайонс прожил в Москве: с февраля 1928 по январь 1934 г. Сам он отмечал, что это был период чрезвычайно важный с исторической точки зрения. Нэп, укрепление позиции Сталина, окончание первой пятилетки и начало второй. «Как журналист, я должен был наблюдать за разворачивающимися событиями с пристальным вниманием. Как человек, я был поглощен происходящим, не взирая на собственные профессиональные обязанности» [12. Р. 9], – напишет Лайонс о том периоде в мемуарах с говорящим названием – «Московская карусель».

Американский корреспондент был поглощен городской атмосферой, он говорит об исключительности столицы СССР: «Не существует одной Москвы: есть тысячи... Другие столицы можно описать или сфотографировать, но Москва – это калейдоскоп» [12. Р. 13]. Приехав в Москву, Лайонс сразу же включился в работу. Самый яркий эпизод

этой работы, интервью, взятое в 1930 г. у И. В. Сталина, заслуживает отдельного исследования. Кроме этого интервью Лайонс стал известен освещением операции по спасению экспедиции итальянского дирижаблестроителя Умберто Нобиле и Шахтинского процесса.

Московский дом Лайонса и его жены стал пристанищем как для западных, так и для советских его коллег. Одним из друзей американца был Алексей Гарри, собкор «Известий», ставший куратором Лайонса и снабжавший – под контролем НКВД – его информацией исключительно в интересах СССР [13. С. 20]. Сам Лайонс называл в своих мемуарах «Известия» рупором правительства [12. Р. 225]. Приятель американского корреспондента Алексей Гарри лично участвовал в спасении экспедиции: в составе спасательного отряда плыл к месту крушения дирижабля «Италия» на одном из советских ледоколов. Именно от Гарри получал информацию о спасении команды Нобиле и Лайонс.

О спасении экспедиции американский журналист высказывался позитивно и эмоционально: «В ходе последнего этапа самой триумфальной спасательной операции во всей современной истории ледокол “Красин” передал по радио сообщение о том, что он подобрал двух человек на собачьих упряжках и приступил к спасению пяти мужчин, которые застряли на побережье с поврежденным самолетом...» [14]. Стоит отметить, что именно ледокол «Красин», о котором пишет автор, спас участников экспедиции. Лайонс не говорил прямо о том, что спасательная операция – это советский триумф, но явно это подразумевал: «В течение двух дней ледокол “Красин” спас две группы с дирижабля “Италия”. Члены одной из групп уже числились мертвыми, и спасать их не планировал никто» [14]. Пока другие корреспонденты мало писали о советской экспедиции, уделяя больше внимания в материалах спасателям из других стран, Лайонс подчеркивал, что спасение состоялось именно благодаря советской команде. Пафос его материалов сводился к тому, что спасение экспедиции Нобиле – подвиг, совершенный вопреки холоду и морозу, чужим планам и мнениям. Во многом благодаря усилиям Лайонса эта спасательная операция значительно подняла престиж СССР в мире.

Другой говорящий пример журналистской работы сочувствовавшего большевикам американского корреспондента – это освещение Шахтинского процесса, ознаменовавшего начало политических репрессий.

Это было первое столь широко освещенное в прессе дело о так называемых «врагителях». Исследователи отмечают, что сам термин

«вредитель» закрепился в языке именно благодаря данному процессу [15. С. 115]. Газеты в СССР писали об участниках дела как о классовых врагах, клеймили «вредителей», публиковали письма советских людей, требовавших суровой расправы над ними. Лайонс был, конечно, сдержаннее в оценках, но и он не увидел в этом процессе однозначной судебно-следственной фальсификации.

Показателен его материал, напечатанный в газете *New Britain daily Herald* 28 июня 1928 г. Этот материал был опубликован уже в самый разгар процесса: всего через несколько дней, 6 июля, обвиняемым вынесли приговор. «Русский процесс неинтересен, – утверждал Лайонс. – Пресса делает все, чтобы сохранять драматический эффект» [16].

Он обвиняет иностранных журналистов в том, что они намеренно превратили процесс в мелодраму, всеми правдами и неправдами продолжают подогревать интерес аудитории. Он обвиняет своих коллег в «эксгумации» давно забытых журналистских приемов, называет эти приемы “worm tricks” [16] («трюки червяков»). Он утверждает, что пресса за пределами СССР «искусственно» театрализирует судебный процесс. Строки Лайонса о других журналистах проникнуты нескрываемым осуждением: «Они находят Иуду и нескольких Раскольниковых, одного кровожадного прокурора и ряды бледных лиц»; «при ближайшем рассмотрении, как видно тем, кто должен наблюдать за процессом, это дело нельзя назвать ни таким драматическим, ни захватывающе ужасным, как в это заставили поверить весь мир» [16].

Отношение Лайонса к подсудимым было весьма близким к советскому. Он пишет о них как о людях, движимых собственными мелкими эгоистическими интересами, словом, сочувствия к подсудимым в его словах аудитория не увидит: «Те, кто признают вину, больны полностью или частично, согласно их собственному описанию, они – маленькие, эгоистичные люди, которые мало что могут показать разнообразной публике, наблюдающей за процессом» [16]. Судебная же система в СССР кажется ему вполне справедливой: «Подсудимые обладают возможностью выразить свою точку зрения. Им не задают вопросов, на которые можно ответить “да” или “нет”, и им дозволено говорить без ограничений» [16].

И все же, несмотря на это, нотки сомнений в его материале слышны: «Дело реальное и довольно мрачное. Пятьдесят три человека столкнулись с возможностью смерти. Правильно это или нет, но страна видит в этих людях огромную угрозу» [16].

Следует отметить, что мнение Лайонса и о Шахтинском процессе, и о других происходивших в СССР событиях мало чем отличалось от мнений большинства его коллег, западных журналистов, работавших тогда на территории СССР. Многим из них социализм казался ключом к решению проблем в их собственных странах. Кажущаяся иллюзорная упорядоченность, равенство, товарищество – вот неполный список того, что привлекало в новой идеологии иностранных авторов. Материалы большинства находившихся в Москве в 1920-е гг. корреспондентов были проникнуты явной симпатией по отношению к действующему режиму.

Так, например, американец Уолтер Дюранти, работавший в газете *New York Times* и опубликовавший серию материалов о Советском Союзе, получил за это Пулитцеровскую премию [17. Р. 71]. Эту высокую награду автор получил за серию статей, посвященных голоду в СССР [18. Р. 143]. Однако его статьи до сих пор вызывают споры. «Должны ли все они и их семьи быть физически уничтожены? Конечно нет – их надо “ликвидировать” или переплавить в горячем огне ссылки и труда в пролетарскую массу», – утверждал Дюранти. Он одобрял жестокие методы большевиков: «Но, грубо говоря, омлет не пригото́вишь, не разбив яиц» [19]. Журналистская работа Дюранти также заслуживает отдельного исследования, однако его воззрения довольно резки и категоричны. Он, очевидно, верил, что для построения социалистической утопии требуются жертвы. В своем мнении он был не одинок.

В 1934 г. Лайонс покинул СССР и вернулся в США, а еще три года спустя вышла его книга «Командировка в утопию» или “Assignment in Utopia”, где он пересмотрел не только свои идеологические взгляды и воззрения на жизнь в СССР в целом, но и мнение о Шахтинском процессе в частности.

Возвращаясь к событиям 1928 г. в рамках вышеупомянутой книги, он по-прежнему утверждал, что журналисты на Западе искусственно подогревали ситуацию вокруг «вредителей», видя в рассуждениях о них лишь эффектное шоу или завлекательный для аудитории инфоповод. Однако здесь Лайонс уже не допускает двойственности во взглядах: он посвящает целую главу Шахтинскому процессу и называет ее «Показательный процесс» [20. Р. 114]. Он описывает атмосферу истерии, витавшую в воздухе, насмехается над публикой, которая пришла, чтобы увидеть «справедливое повешение» [20. Р. 114], называет участников процесса марионетками и актерами, играющими назначенную

роль. Теперь для него Шахтинский процесс – трагедия, и вот, что он пишет о процессе, упоминая Н. В. Крыленко, советского функционера и государственного обвинителя в Шахтинском процессе: «Мне тяжело подводить итоги этих недель, полных испытаний. Было напряженно и нервно наблюдать, как люди корчатся под кнутом Крыленко, наблюдая, как они один за другим исполняют назначенную роль, как марионетки, в то время как уже камеры скрежетали...» [20. Р. 118].

Выводы

Представляется, что Лайонс не лукавил ни в материале 1928 г., ни в позднейшей книге. И он, и другие работавшие в СССР журналисты верили в то, что писали, надеялись, что отдельные эксцессы не помешают советским людям построить новое общество. Однако по мере того, как журналисты возвращались домой, а в СССР разворачивался Большой террор, их надежды рушились и наступало разочарование в социалистической утопии, в существование которой они когда-то верили. Говоря об американских коллегах и их взглядах во время проживания в СССР, Лайонс писал: «Меня поразило открытие, что журналисты, которые столь уверенно восхваляли большевистский мир в своих публикациях, были менее уверенными и менее восторженными в своих неопубликованных взглядах» [20. Р. 66]. Действительно, многие заокеанские журналисты, упомянутые Лайонсом в работе «Командировка в утопию», после отъезда из СССР пересмотрели свои взгляды. Этому, разумеется, во многом способствовали исторические реалии.

В этом смысле эволюция Юджина Лайонса типична для работавших в СССР в 1920-е гг. иностранных корреспондентов. Разочарованный в построении идеального государственного строя путем социализма, он написал: «Я тоже был заражен этой болезнью. Я был готов ликвидировать классы, “чистить” общество, жертвовать свободами и элементарными приличиями, вооружить самопровозглашенных диктаторов пылающим мечом – и все ради дела. ...Затем я увидел эти вещи в действии и обнаружил, что месть обрушивается на те самые массы, которых должно было спасти это дело. ...я нашел в себе мужество заявить, что я гуманист, что я уважаю правду и что я ненавижу вивисекцию людей ради их собственного блага» [20. Р. 647]. Так, из убежденного большевика Лайонс стал журналистом, осуждающим принципы построения советского общества.

Список источников

1. Курилла И. Россия и Америка в XIX веке: от сотрудничества к отчуждению // Постнаука. 2018. 27 окт. URL: <https://postnauka.org/longreads/89794>.
2. Декрет об аннулировании государственных займов // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.
3. Генуэзская конференция и Рапальский договор между Россией и Германией 1922 г. // Историко-документальный Департамент МИД России. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjVi-uPpk1am/content/genuezskaa-konferencia-i-rapall-skij-dogovor-mezdu-rossiej-i-germaniej-1922-g-?inheritRedirect=false
4. Foreign Relations of the United States, The Soviet Union, 1933–1939 // Recognition by the United States of the Soviet Union, November 16, 1933. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1933-39>.
5. Резаненко О. О. Американская пресса о советской индустриализации в 1920–1930-е годы // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 115–120.
6. Колесников А. С. Бертран Рассел в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, вып. 2. С. 275–288.
7. Рассел Б. Практика и теория большевизма // Рассел Б. Практика и теория большевизма / пер. с английского издания 1920 г. М., 1991.
8. Уэллс Г. Дж. Россия во мгле. URL: http://hrono.ru/libris/lib_u/wells3mgla.html
9. Кабанова И. В. Англо-американская путевая проза 1930-х гг. о Советской России // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 228–265.
10. Engerman D. C. Modernization from another shore: American intellectuals and the romance of Russian development. London : Harvard University Press, 2003. 399 p.
11. Morris J. A. Deadline every minute; the story of the United Press. New York : Greenwood Press, 1968. 356 p.
12. Lyons E. Moscow Carrousel. New York, 1935.
13. Киянская О. И., Фельдман Д. М. Из истории журналистики конца 1920-х – начала 1930-х гг.: показания А. Н. Гарри // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 7. С. 18–35.
14. Lyons E. Picks Up Two Dog Sled Men Missing in Attempt to Find Italia Camp... // The Indianapolis Times. 1928. 13 July. P. 1.
15. Каневская Я. Е., Фельдман Д. М. Куда уходит прошлое: история термина «вредительство» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 7. С. 114–140.
16. Lyons E. Russian trial is not interesting // New Britain daily Herald. 1928. 28 June. p. 13.
17. Brennan E. A., Clarage E. C. Who's who of Pulitzer Prize Winners. Phoenix : Oryx Press, 1999. 688 p.

18. Crowl J. W. Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937. A Case study of Louis Fischer and Walter Duranty. Washington : University Press of America, 1982. 224 p.

19. New York Times Statement about 1932 Pulitzer Prize Awarded to Walter Duranty // New York Times : official website. URL: <https://www.nytc.com/company/prizes-awards/new-york-times-statement-about-1932-pulitzer-prize-awarded-to-walter-duranty/>

20. Lyons E. Assignment in Utopia. New York : Harcourt, Brace and company, 1937.

References

1. Kurilla, I. (2018) *Rossiya i Amerika v XIX veke: ot sotrudnichestva k otchuzhdeniyu* [Russia and America in the 19th Century: From Cooperation to Alienation]. Postnauka. 27 October. [Online] Available from: <https://postnauka.org/longreads/89794>.

2. Politizdat. (1957) Dekret ob annulirovani gosudarstvennykh займов [Decree on the Cancellation of State Loans]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.

3. Historical and Documentary Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs. (n.d.) *Genuezskaya konferentsiya i Rappal'skiy dogovor mezhdu Rossiei i Germaniy 1922 g.* [The Genoa Conference and the Treaty of Rapallo between Russia and Germany in 1922]. [Online] Available from: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/genuezskaa-konferencia-i-rapall-skij-dogovor-mezdu-rossiej-i-germaniej-1922-g-?inheritRedirect=false

4. History.state.gov. (n.d.) Foreign Relations of the United States, The Soviet Union, 1933–1939. *Recognition by the United States of the Soviet Union, November 16, 1933*. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1933-39>.

5. Rezanenko, O.O. (2016) Amerikanskaya pressa o sovetskoy industrializatsii v 1920–1930-e gody [American press on Soviet industrialization in the 1920s–1930s]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2 (15). pp. 115–120.

6. Kolesnikov, A.S. (2020) Bertran Rassel v Rossii [Bertrand Russell in Russia]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 21 (2). pp. 275–288.

7. Russell, B. (1991) *The Practice and Theory of Bolshevism*. Moscow: Nauka. (In Russian).

8. Wells, H.G. (n.d.) *Russia in the Shadows*. [Online] Available from: http://hrono.ru/libris/lib_u/wells3mgla.html (In Russian).

9. Kabanova, I.V. (2021) Anglo-amerikanskaya putevaya proza 1930-kh gg. o Sovetskoy Rossii [Anglo-American Travel Prose of the 1930s about Soviet Russia]. *Literatura dvukh Amerik*. 10. pp. 228–265.

10. Engerman, D.C. (2003) *Modernization from another shore: American intellectuals and the romance of Russian development*. London: Harvard University Press.

11. Morris, J.A. (1968) *Deadline every minute; the story of the United Press*. New York: Greenwood Press.
12. Lyons, E. (1935) *Moscow Carrousel*. New York: A.A. Knopf.
13. Kiyanskaya, O.I. & Fel'dman, D.M. (2017) Iz istorii zhurnalistiki kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh gg.: pokazaniya A. N. Garri [From the history of journalism in the late 1920s – early 1930s: testimony of A. N. Garry]. *Vestnik RGGU. Ser. "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*. 7. pp. 18–35.
14. Lyons, E. (1928) Picks Up Two Dog Sled Men Missing in Attempt to Find Italia Camp... *The Indianapolis Times*. 13 July. p. 1.
15. Kanevskaya, Ya.E. & Fel'dman, D.M. (2021) Kuda ukhodit proshloe: istoriya termina "vreditel'stvo" [Where the Past Goes: The History of the Term "vreditel'stvo/sabotage"]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*. 7. pp. 114–140.
16. Lyons, E. (1928) Russian trial is not interesting. *New Britain Daily Herald*. 28 June. p. 13.
17. Brennan, E.A. & Clarage, E.C. (1999) *Who's who of Pulitzer Prize Winners*. Phoenix: Oryx Press.
18. Crowl, J.W. (1982) *Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937. A Case study of Louis Fischer and Walter Duranty*. Washington: University Press of America.
19. *New York Times*. (n.d.) New York Times Statement about 1932 Pulitzer Prize Awarded to Walter Duranty. [Online] Available from: <https://www.nytc.com/company/prizes-awards/new-york-times-statement-about-1932-pulitzer-prize-awarded-to-walter-duranty/>
20. Lyons, E. (1937) *Assignment in Utopia*. New York: Harcourt, Brace and company.

Информация об авторе:

Кадар Е. С. – аспирант кафедры литературной критики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: ekaterina.kadar@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E. S. Kadar, postgraduate student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekaterina.kadar@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.05.2024;
одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.